

«Сборник наставлений в десяти разделах»: к понятию «доброты», *мэгуми*

Н.Н. Трубникова

«Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё», 1252 г.) содержит рассказы и рассуждения, интересные с точки зрения истории некоторых понятий, значимых для японской культуры в целом. В статье на основе этого источника обсуждаются значения слова *мэгуми* («доброта», «милость»), связь этого понятия с понятиями «чуткость» (ю:/*ясаси*), «предусмотрительность» (ё:/*и*) и др., а также набор контекстов, в которых раскрывается тема «воспитания доброты»: чему нужно научиться, чтобы откликаться на нужды ближнего и действовать ему на пользу.

Ключевые слова: философская мысль Японии, рассказы *сэцува*, «Сборник наставлений в десяти разделах», буддизм, конфуцианство, поэзия *вака*, искусство цитирования.

Я продолжаю разговор о «словаре чувств» в японской словесности, опираясь на рассказы *сэцува* из «Сборника наставлений в десяти разделах» (十訓抄, «Дзиккинсё») ¹. О самом «Сборнике» и подходах к его изучению, а также о понятии «досады», *урами*, см. [3–4].

Хотя в целом «Сборник» скорее можно отнести к памятникам светской мысли эпохи Камакура, первый его раздел выглядит наиболее традиционным для собраний религиозных *сэцува*. Он отведен наставлениям на тему: «Нужно по-доброму обходиться с людьми» (人に恵を施すべき, *Хито-ни мэгуми-о ходокосубэки*). Многие из рассказов, вошедших сюда, вполне укладываются в рамки буддийской проповеди милосердия – не только к людям, но и ко всем живым существам. Впрочем, доброту, великодушие, деятельное сострадание несчастным, разумеется, не осуждают ни конфуцианцы, ни даосы. А японские собиратели поучительных рассказов нередко подчеркивают, что и «родные боги» *ками*, вслед за буддами, охотно помогают тем людям, кто сам готов помочь ближнему ².

При этом «доброта» у буддийских наставников почти никогда не требует обоснования: любое живое существо может быть милосердным 慈悲, *дзихи*, поскольку обладает «природой будды», а будды милосердны по определению. Мирские рассуждения о доброте

¹ Я пользуюсь изданием [1], см. также [2].

² Например, в «Собрании песка и камней» (沙石集 «Сясэкисю», конец XIII в.) рассказы о милосердии богов занимают весь первый раздел; см. [5].

могут опираться на учение Мэн-цзы о «доброй природе» человека 善性, *дзэнсё*; – некой эмпатии, неспособности без боли видеть чужие страдания. Но почему одним людям удается быть добрыми, а другим нет? Почему один и тот же человек к кому-то добр, а к кому-то равнодушен или жесток? Если не ссылаться на закон воздаяния, на последствия прежних деяний, а ограничиться лишь нынешней жизнью, то эти вопросы обычно остаются без ответа, в том числе и у буддистов. Предполагается, что добрым способен быть каждый и к каждому, и дальше уже дело нравственного выбора: поступает человек по-доброму или нет.

«Сборник наставлений в десяти разделах» интересен тем, что здесь «доброта», *мэгуми*, выглядит не первичным свойством человека, а проявлением некоего другого качества, «чуткости»: оно может быть развито в большей или меньшей степени, и от его развития зависит степень доброты. Чтобы проследить, как составитель «*Дзиккинсё*:» подходит к описанию этого качества, я покажу, как здесь построен раздел о доброте.

Во введении к разделу 1 сказано: кто стал господином над людьми, не должен отвергать даже ничтожных. Гора оттого и высока, что не пренебрегает даже мелкими камешками, море оттого и глубоко, что принимает в себя даже мелкие речушки.

Так и просвещенный государь не отвергает людей: подобно мастеру, который строит повозку и не отбрасывает никакого дерева. У него даже кривые ветки, даже короткие обрубки идут в дело. [...]

Вообще он не должен никого зря хвалить, говоря: да ведь они хорошие; не должен и попусту наказывать, говоря: да ведь они негодяи; нужно равно по-доброму обходиться со всеми людьми. И даже если кто-то уже однажды провинился, нужно хорошенько подумать, прежде чем возлагать на него новую вину. Даже мудрые звери, цилинь и чудо-конь³, не то чтоб никогда не спотыкались. Разве к людям это правило не относится?

Поэтому в книгах говорится: прощай малые промахи, высматривай мудрых и даровитых⁴. Но если тот же самый проступок повторяется снова, то его простить уже, пожалуй, невозможно.

Поистине, кто обманывает господина, стремится к собственной выгоде и насмешничает над товарищами, да еще надеется за такое поведение получить награду, – такого человека надо всячески избегать. [...] Прощают только тех, кто провинился по неведению, по недостатку сил: таких людей надо воспитывать и жалеть (*аварэми хагукуму*).

Примеры добрых правителей – это древний государь Нинтоку, который «...на три года прекратил сбор податей и радовался, что у простых людей чаще стал подниматься дымок над очагами»⁵, а также государь Итидзё (прав. 986–1011), который отказывался зимой надевать

³ 麒麟, *ки-ки*, кит. *ци-цзи*; животные из китайских преданий: благовещий единорог и чудесный конь, способный за день проскакать тысячу верст.

⁴ Цитата из «Бесед и суждений» Конфуция (XIII, 2): 赦小過, 舉賢才.

⁵ Согласно «Анналам Японии» («Нихон сёки», 720 г., свиток XI).

лишние теплые одежды, ибо помнил о горестях народа. «Правитель считает основой народ⁶; государь числит простых людей своими детьми⁷, – так говорят. – Как же он мог бы не жалеть их?» (рассказ 1–1). Государь Тэнти (прав. 668–672) построил себе дворец из неоструганных бревен, «...ибо сказано: чтобы не отягощать народ, даже при строительстве дворца надо соблюдать умеренность»; в этом Тэнти следовал примеру древнейшего китайского царя Яо. О «бревенчатом дворце» Тэнти, *ки-но марудоно*, сложены песни, и некоторые из них исполняются при дворе во время игрищ *кагура*, в назидание новым поколениям правителей (рассказ 1–2). Впрочем, в песнях *вака* «бревенчатый дворец» появляется не только тогда, когда речь заходит о придворных обрядах. Его, например, вспоминал монах, который после смуты 1156 г. посетил ссыльного отрекшегося государя Сутоку в убогом жилище на острове Сикоку; здесь перед нами пример того, что жалости может быть достоин даже мятежник (рассказ 1–3).

Итак, о добрых правителях народ всюду слагает песни (такова китайская песня «Сладкая груша»⁸), воздвигает им памятники, не забывает их в веках. «Обычные люди тоже могут и должны ставить доброту на первое место. Даже если со мной обходятся плохо, если я сам делаю добро другим, то другие мне воздадут добром». Пример тому – Лянь По, полководец царства Чжао (III в. до н.э.) Он бранил своего товарища по службе, дипломата Линь Сян-жу за то, что тот «трудится только языком», а заслуги его ценятся выше, чем подвиги воеводы на полях сражений. Линь Сян-жу не спорил, а просто избегал встреч с Лянь По, и говорил: Чжао сильно, пока ему служим мы оба, а если два тигра станут драться друг с другом, оба погибнут. Лянь По, узнав об этом, пришел в дому Линь Сян-жу, неся на плече терновую палку в знак раскаяния, и «двое тигров» помирились⁹ (рассказ 1–4).

Здесь же составитель «Сборника» приводит несколько примеров того, как на доброту откликаются даже животные. В Китае не раз бывало, что люди спасали жизнь рыбам, змеям, черепахам, птицам, а те за это приносили им сокровища. Вообще истории о благодарных животных часты в собраниях поучительных рассказов; здесь они, правда, взяты не из буддийских сборников, а из «Записок о поисках духов» Гань Бао (кит. «*Соушэнь-цзи*», IV в., цитируются рассказы 452–454). Похожие случаи известны и в Японии: например, Фудзивара-но Масатомо 藤原政朝 (824–888) однажды выкупил у рыбаков черепаху и отпустил, а она потом спасла жизнь его сыну (рассказ 1–5). В рассказе 1–6 некий воин, потерпевший поражение в междоусобице, скрывается в горной пещере. Там он замечает осу, попавшую в паутину, и вызволяет ее, говоря: «Ты живое существо, для тебя нет ничего важнее жизни. В прежнем рождении не хватило тебе сил соблюдать заповеди, вот ты и возродилась животным, но раз у тебя есть сердце, тебе жаль твоей жизни, и в этом ты не отличаешься от человека. И в том, чтобы ценить помощь, мы, должно быть, одинаковы. На меня напали враги, я скрываюсь, мне грозит беда. Я спас тебя, и ты непременно поймешь

⁶ 君は民をして体とす, отсылка к «Запискам об обряде», «*Ли-цзи*».

⁷ 王は兆民を子とす, отсылка к «Летописям Поздней Хань», «*Хоу Хань-шу*».

⁸ 甘棠 кит. «*Ганьтан*», «Книга песен», «*Ши-цзин*», I–II–5, в переводе А.А. Штукина – «Память о добром правителе»: Пышноцветистая дикая груша растет; || Ты не руби, не ломай ее пышных ветвей – || Шао правитель под ней отдыхал на траве...».

⁹ Отсылка к «Историческим запискам» Сыма Цяня (глава 81, «Жизнеописание Лянь По и Линь Сян-жу»).

меня». Во сне оса является ему в человеческом облики и обещает помощь. Воин собирает отряд из выживших своих соратников и нападает на врага; на подмогу слетаются целые тучи ос. После победы воин строит храм в память о погибших осах. Здесь же рассказчик вспоминает вельможу Фудзивара-но Мунэсукэ 藤原宗輔 (1077–1162), который вообще любил ос, кормил их, и они его слушались.

Следующий рассказ в разных изводах встречается в нескольких буддийских памятниках; кроме того, на его основе написана пьеса для театра Но: «Великое собрание» («Дайэ»). Монах спасает старого коршуна, над которым издевались мальчишки; коршун оказывается демоном *тэнгу* и в знак благодарности предлагает исполнить какое-нибудь желание монаха. Тот признается, что хотел бы увидеть, как Будда проповедует на Орлиной горе. Это можно устроить, – отвечает демон, – но ты должен помнить, что покажу я тебе всего лишь наваждение; не вздумай ему кланяться, иначе получится, что я тебя обморочил, и мне придется страдать за грех обмана. Монах обещает не верить своим глазам – и все-таки, когда видит прекрасный образ Будды в окружении учеников, заливается слезами и склоняется в молитве; после этого наваждение исчезает (рассказы 1–7 и 1–8)¹⁰. Что до людей, то они бывают благодарны и дереву, в тени которого отдыхали, и колодцу, откуда набирали воду. «В делах людских среди принятых обычаев много примеров благодарности, все их записать сюда невозможно» (рассказ 1–9).

После этого повествователь, как кажется, меняет тему и надолго обращается к рассказам о поэтах. В рассказе 1–10 он вспоминает случаи, когда стихи *канси* или песни *вака* были признаны хорошими, хотя в них и нарушались правила стихосложения. «Доброта» здесь, видимо, в том, что поэтам простили небольшие огрехи. Можно сказать, что и в рассказе 1–11 Фудзивара-но Таданобу 藤原齊信 (967–1035) поступает по-доброму, читая вслух старинные печальные стихи в саду после поминального обряда, в пору, когда первая супруга государя Итидзё, государыня Тэйси 定子皇后 (977–1001), скорбит о покойном отце¹¹. Правда, сам составитель сборника говорит здесь не о «доброте», а об «отзывчивости», «проницательности» (心ばせ, *кокоробасэ*) и «чуткости» (優, *ю:ясаси*). Можно назвать «добрым» поступок самой Тэйси, когда она перед смертью оставила для государя в своих покоях прощальную песню:

<i>Ё-то томо ни</i>	В чём ты клялся
<i>Тигириси кото-о</i>	Каждую ночь,
<i>Васурэдзу ва</i>	Я не забыла.
<i>Коиму намида-но</i>	Слёзы твоей любви
<i>Иро дзо юкасики</i>	Вижу и сейчас...

Но следующие семь рассказов (с 1–12 по 1–18) связать с «добротой» еще труднее. Все они – о том, как кто-то словами или поступком уместно отозвался на происходящее, кстати

¹⁰ В «Сборнике» здесь один и тот же сюжет рассказан дважды: сначала как происшествие в Японии в середине XI в. с демоном *тэнгу*, а потом как похожий случай в Индии с участием монаха Упагупты и «небесного демона».

¹¹ Отсылка к «Запискам у изголовья» Сэй-сёнагон («Макура-но со:си», эпизод 135).

процитировал стихи или уловил цитату в речи собеседника и тем самым показал свою «чуткость», она же «изящество», *ясаи*. Приведу только два примера:

В одно из недавних правлений в пору праздника *госэти*¹² до государя дошел слух: в покои к кому-то из придворных дам ночью будто бы тайком прибыли особы несравненной красоты. Вот бы на них взглянуть! – подумал государь и, не предупреждая о своем приходе, явился туда. Впопыхах кто-то задул светильник, и тогда государь достал из-за пазухи несколько зубцов от гребня, и когда снова высекли огонь, дал поджечь их¹³: при ярком свете всех стало видно.

В сердце государя чувства были настолько изящны!¹⁴ (рассказ 1–13).

Вероятно, изящество поступка государя состоит в том, что он запросто предлагает слугам чем разжечь огонь, и к тому же не возмущается и не пытается скрыться в темноте, а держится так, будто признает себя причиной суматохи и никого не винит.

Наместник земли Сацума Таданори¹⁵ пришел побеседовать с некой дамой... ждал возле женских покоев и, не желая выдать себя шумом, медлил. А между тем время шло, и он пошуршал веером, чтобы дать знать о себе. Из покоев раздался голос дамы, понявшей, в чем дело:

<i>Но-мо сэ-ни судаку</i>	В полях стрекочут хором
<i>Муси-но нэ ё</i>	Голоса насекомых...

Так она прошептала, он услышал и перестал шуршать.

Когда решил, что все уже заснули, он все-таки встретился с той дамой, и она спросила:

– Почему же ты не подал знак веером?

Он ответил:

– Э-э... Мне ведь дали понять, что это докучает.

Вот до чего чуткий был человек!

<i>Касигамаси</i>	Докучные
<i>Но-мо сэ-ни судаку</i>	В полях стрекочут хором
<i>Муси-но нэ</i>	Голоса насекомых.
<i>Варэ да ни мо но ва</i>	Я же ничего
<i>Ивадэ косо оmoz</i>	Не говорю и томлюсь.

¹² 五節, один из осенних обрядов благодарения за урожай; для этого обряда во дворец приглашали юных девиц (как правило, еще не известных при дворе), и они должны были исполнить особый танец. По словам Сэй-сёнагон, сам праздник и подготовка к нему считались самым веселым временем во дворце («Записки у изголовья», эпизод 92).

¹³ Видимо, речь идет о гребне с зубцами из бамбуковых лучинок, которые ярко горят; получается, что не только государь сам видит красавиц, но и они видят его, пусть и в нарушение придворного этикета.

¹⁴ 御心の風情、いとやさしかりけり。

¹⁵ Тайра-но Таданори 平忠度 (1144–1184).

Возможно, по замыслу дамы, Таданори должен был вспомнить заключительные строки песни, и тогда цитата звучала бы как признание: жду тебя. Он же вспомнил первую строку и понял цитату в противоположном смысле. Искусство «разговаривать цитатами», о котором пишет Ф. Жюльен применительно к китайской традиции [6, с. 67–82], в Японии, разумеется, тоже процветало, и одна из задач «Сборника» – познакомить юного читателя с тем набором расхожих цитат и историй, что составляет основу столичного «изящества». И тем важнее здесь случаи неоднозначного прочтения цитат, примеры непонимания, обусловленного не невежеством, а наоборот, глубоким знанием родной словесности.

Рассказ 1–19 будто бы снова возвращается к «доброте». Дворцовому служителю *тонэри* нужно редкое лекарство для больного ребенка, и он решается просить помощи у Фудзивара-но Наримити 藤原成通 (1097–1159), вельможи, известного «чуткостью», «изяществом». Служитель приходит в усадьбу к Наримити, видит, что все постройки и утварь там изысканно-ветхи, некоторое время его занимают светскими разговорами, о просьбе как таковой речь даже не заходит. Но когда служитель уже собирается уходить, ему вручают сверток с надобным лекарством. «Такая чуткость проникает в самое сердце!» – говорит он, и здесь свойство *ясаси* можно понять как сострадание и деликатность (человека избавили от необходимости вслух рассказывать о его беде). Однако ту же самую «чуткость» проявил Фудзивара-но Санэката 藤原実方 (ум. 998) в рассказе 1–20: он опоздал на придворные танцы, не успел взять цветы для украшения шапки – и не растерялся, а сломил ветку бамбука прямо у танцевального помоста и пошел танцевать с нею.

Самый яркий и лаконичный пример «чуткости» снова взят из «Записок у изголовья». Зимним утром государыня Тэйси вспоминает стихи Бо Цзюй-и о «снегах на вершине Сяньлу» – и придворная дама Сэй-сэнагон, без слов подхватывая цитату, поднимает занавеску на окне¹⁶ (рассказ 1–21).

Рассказ 1–21, самый обширный в первом разделе «Сборника», продолжается перечислением тех замечательных людей, кто еще, кроме Сэй-сэнагон, жил при «мудром государе» Итидзё (賢王, *кэнно*:). Среди них – известные «чуткостью» придворные дамы, выдающиеся поэты и знатоки поэзии, добродетельные монахи, мудрые предсказатели судьбы и другие. Г.Г. Свиридов, автор первого крупного отечественного исследования по литературе *сэцува*, писал о «Сборнике»: «...Изображается здесь безвозвратно ушедший мир хэйанской аристократии. Автору книги казалось, что прервалась богатейшая культурная традиция, и его главное, но невысказанное наставление – о необходимости сохранить память об этой культуре» [7, с. 44]. Рассказ 1–21 вполне дает основание для такой трактовки, но, на мой взгляд, в «Сборнике» почти нет именно сожалений об утраченном. Скорее, речь идет о том, чтобы возродить хэйанскую традицию заново, сделать ее достоянием людей нового века – воинов на службе камакурской Ставки (см. подробнее [3]).

К рассуждению о временах государя Итидзё примыкает несколько историй о человеке более поздней поры, но тоже исключительно «чутком»: это поэт и книжник Ооэ-но

¹⁶ «Записки у изголовья», эпизод 227. В переводе Веры Марковой стихи Бо Цзюй-и звучат так: «Вижу, подняв занавеску, || Снег на вершине Сяньлу». В «Сборнике» здесь, видимо, неточность формулировки: можно понять так, будто речь идет о государе, а не о государыне.

Масафуса 大江匡房 (1041–1111). Его «проницательность» порой граничила с чудом – чтением мыслей или ясновидением, – а стихи его ценились даже в Китае (рассказ 1–21; составитель «Сборника» в основном следует самовосхвалениям Масафусы, вошедшим в «Собрание бесед Ооэ» 江談抄, «Го:дансё:»).

Примеры уместных откликов на чьи-то слова и дела продолжаются и в следующих рассказах. Судью на поэтических состязаниях изящно упрекают за то, что он снова и снова присуждает победу дамам и засуживает кавалеров: ему читают переложение на японский язык его собственного китайского стихотворения о тяге старика к «девичьему цветку», *оминаэси* (рассказ 1–22). Для дамы, впервые прибывшей ко двору, подбирают прозвище, и коль скоро она хорошо играет на гусях *кото*, новым ее именем становится редкий музыкальный термин (рассказ 1–23). Государь отдыхает на реке Удзи, придворные уговаривают его помедлить с возвращением в столицу и устраивают небольшой ученый диспут насчет того, в какой точно стороне света от города Хэйан находится Удзи и чем это направление благоприятно или опасно (рассказ 1–24, примечательно, что ссылаются спорщики не столько на расчеты геомантов, сколько на песни *вака*, сложенные в Удзи). Здесь речь идет скорее не о том, как понять чужие чувства, а о том, как выразить это понимание: не напрямую, но так, чтобы и ответ тоже побуждал собеседника проявить проницательность. Особенно этот навык объясняться намеками подходит для болезненных чувств: например, когда человек возвращается из ссылки, старые друзья пытаются выразить ему сочувствие, а сам он рад бы рассказать о пережитом, но, ни в коем случае, не хочет жаловаться (рассказы 1–24, 1–25).

«Отзывчивым и добрым» человеком был Тайра-но Сигэмори 平重盛 (1138–1179). Каждый год в день летнего праздника святилища Камо, он же «праздник мальв», *аоимацури*, множесто жителей столицы собирается смотреть торжественное шествие, и часто слуги важных особ, освобождая место для возка своего господина, откатывают назад возки других зрителей. Так случилось, например, в «Повести о Гэндзи» в главе «Мальвы», когда слуги госпожи Аои отеснили возок госпожи Рокудзё. Чтобы избежать подобного безобразия, Сигэмори однажды распорядился заранее расставить вдоль пути шествия несколько пустых возков, рассчитав, что откатывать будут именно их, а значит, других не потревожат (рассказ 1–27). А намного раньше, в 940-х годах, на том же празднике Камо некий старик, отставной дворцовый служитель, воспользовался людской «отзывчивостью», сам того не желая. Он загодя выбрал себе место и поставил там табличку: «Отсюда будет смотреть старец, другим не занимать!». Люди решили, что под «старцем», *окина*, имеется в виду не кто-нибудь, а сам отрекшийся государь Ёдзэй (которого, разумеется, никто из зрителей не знал в лицо), и когда старик явился смотреть шествие, все отнеслись к нему с великим почтением (рассказ 1–28).

Таким образом, «чуткость» к чувствам и мыслям других людей составляет условие «доброты». Кроме того, «чуткость» и «проницательность» позволяют действовать «предусмотрительно», *е:и*, – то есть, прежде всего, сообразно насущным обстоятельствам. О том, что уместность поступков важнее соблюдения общих правил, составитель «Сборника» рассуждает в рассказе 1–29:

...быть сдержанным, говорить мало, не пренебрегать никем из людей, и тогда тобой тоже не пренебрегают; не смеяться над глупостью, не любить шалостей, быть спокойным и рассудительным. Кто так ведет себя, на того смотрят как на достойного человека, пусть даже не понимают, что у него на сердце: другие стыдятся перед ним и держатся на должном расстоянии.

Однако такой человек не мил другим, не приятен. Лишь тот, кто буйно веселится там, где веселятся другие, шутит сообразно случаю, смеется над тем, что забавно, жалеет, когда приходится расставаться с людьми, кто сердцем следует за друзьями – о таком человеке не думают дурно, и в этом много достоинств. Многие мужи древности говорили так.

Кроме того, люди, чья предусмотрительность глубока, когда приходят на службу, стараются не поддаваться велениям сердца. Когда кто-то занимается делами господина и высказывается неучтиво, ведет себя неразумно и допускает промахи – это досадно.

Вслед за этими словами в «Сборнике» кратко пересказана история, известная по «Собранию стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари-сю:*»), 30–1) – о том, как безнадежно влюбленный кавалер задумал излечиться от любви. Чтобы проникнуться к даме отвращением, он похищает ее ящик, используемый в качестве ночного горшка. Но оказывается, что дама это предусмотрела: в ящике кавалер находит лишь изысканные благовония, и в итоге влюбляется еще сильнее (см. эту историю в переводе В.С. Сановича: [8, 341–346]).

Забавные и вполне серьезные примеры предусмотрительности приведены в следующих шести рассказах. Оонакатами-но Ёсинобу 大中臣能宣 (921–991), один из «тридцати шести бессмертных поэтов» эпохи Хэйан, в дни новогодних праздников сложил поздравительную песню для принца. В свете все ее хвалили – только отец поэта был недоволен. Он сказал: а что, если когда-нибудь тебе придется поздравлять государя, и ты не сможешь сочинить лучше, чем в этот раз? Такая предусмотрительность – приберечь самые возвышенные слова для более важного случая – была бы, по словам рассказчика, уже чрезмерна (рассказ 1–30). Другой знаменитый поэт, Фудзивара-но Кинто 藤原公任 (966–1041), однажды должен был выступать на придворном музыкальном празднестве, но в последний миг Фудзивара-но Таданобу (ср. в рассказе 1–11) отстранил его и сам сыграл его партию – опасаясь, что Кинто в музыке не столь хорош, как в стихосложении (рассказ 1–31). Фудзивара-но Арикуни 藤原有国 (943–1011), отвечавший за строительство усадьбы для Фудзивара-но Митинаги 藤原道長 (966–1028), велел устроить в ней крытый переход без обычного двойного ряда верхних балок *нагэси*. Он предусмотрел, что однажды Митинага выдаст дочь замуж за государя, за юной госпожой пришлют дворцовый паланкин – и если бы балки шли в два ряда, то в этом месте паланкин пронести не удалось бы (рассказ 1–32). Минамото-но Тосиката 源俊賢 (960–1027) в день любования цветущими вишнями поехал в Китаяма близ Столицы, но когда его слуги выбрали один из павильонов *сакурадо*: и хотели было направиться туда, сказал: сейчас все здания здесь полны людьми, а это пусто; должно быть, там какая-то скверна. И точно, осмотревшись, слуги нашли позади павильона повозку, а в ней мертвое тело (рассказ 1–33,

кто был тот умерший, в «Сборнике» не говорится). Минамото-но Ёсииэ 源義家 (1039–1106), знаменитый полководец по прозвищу Хатиман-таро, когда жил в столице, часто ходил к одному из вельмож играть в облавные шашки *го*, причем свиту воеводы составлял лишь один мальчик-слуга. Однажды в усадьбу ворвался убийца, и тут оказалось, что воеводу тайно сопровождал целый отряд воинов. Ёсииэ предполагал покушение, хотел схватить злоумышленника, для того и устроил засаду (рассказ 1–34). На редкость предусмотрительны были монахи Гёсон 行尊 (1053–1135) и Нёму 如無 (рубеж IX–X вв.), служители дворцовой молельни. Первый, идя на большое собрание придворных музыкантов, взял с собой запасную струну для лютни – и она пригодилась, когда один из лютнистов оборвал струну. Второй, сопровождая государя на прогулке, запасся шапкой *эбоси*, и когда один из придворных потерял шапку, сумел его выручить. Примечательно, что Гёсон сам на лютне не играл, а шапок монахи не носят вовсе, то есть никто не ожидал, что у них при себе найдутся именно эти вещи (рассказ 1–35).

В рассказе 1–36 обсуждается противоположный случай: когда поведение выглядит предусмотрительным, хотя человек заранее ни к чему не готовился. В «недавнюю» для повествователя пору поэт и знаток словесности Фудзивара-но Иэтака 藤原家隆 (1158–1237) был вызван ко двору, где ему задали вопрос: кто лучший из современных сочинителей песен? Иэтака медлил с ответом, а потом достал из-за пазухи листок, оставил его и молча вышел. На листке была записана песня, которую сложил Фудзивара-но Тэйка 藤原定家 (1162–1241) – поэт, с которым Иэтака уже давно соперничал. Составитель «Сборника» признается, что не знает, нарочно ли Иэтака взял с собой эту песню, предвидя, о чем его спросят, или просто она ему особенно нравилась.

Другие два соперника, на сей раз – за влияние при дворе, действуют в рассказе 1–37. Это Фудзивара-но Митинага и его племянник Фудзивара-но Корэтика 藤原伊周 (974–1010). Однажды им довелось вдвоем ехать по столице в возке, принадлежавшем Корэтике. Митинага похвалил упряжного вола, а Корэтика похвастался, что раздобыл это прекрасное животное в храме-святилище Гион, куда вола жертвовали как дар богам. Митинага немедленно вылез из возка – видимо, избегая нечестия, и будущее показало, что он был прав, ведь Корэтика в итоге ему проиграл.

Нередко люди, лишённые проницательности, ставят себя в смешное положение. Так, музыкант по имени Акимунэ был чрезвычайно робок, боялся играть в присутствии высоких особ. Чтобы послушать его, государь Хорикава (1079–1107, прав. 1087–1107) пошел на хитрость: велел одной из дам назначить музыканту свидание и попросить сыграть, будто бы наедине. Когда Акимунэ узнал, что его подслушивает государь, то от испуга свалился с галереи (рассказ 1–38). Минамото-но Акимаса 源顕雅 (1074–1136) славился в свете привычкой путать слова: он, например, говорил слуге: «Начинается повозка, подгони дождь!». Когда его спросили, как он борется с этой напастью, он охотно стал рассказывать, не понимая, что слушатели потешаются над ним, – и запутался окончательно (1–39). Некий молодой чиновник *куро:до*, наоборот, был слишком ловок в речах. Однажды он так уверенно рассуждал о породах деревьев в саду государыни, что получилось, будто он хвастается

близким знакомством и с самим садом, и с кем-то из тамошних дам, – хотя он вовсе не это имел в виду (1–40).

Отзывчивость и проницательность порой присущи простолюдинам. Таков был крестьянский сын из края Суо, позже известный как Фудзивара-но Морисигэ. Еще мальчиком его заметил столичный вельможа Минамото-но Акифуса 源顕房 (1037–1094) и сделал своим доверенным слугой. Однажды утром слуга принес господину воды для умывания, а тот спросил: верно ли мне кажется, что на крыше сарая сидят два ворона, один обычный, а другой с белой головой? Морисигэ пригляделся, воронов не увидел, но ответил: так и есть, господину не почудилось! Можно было бы считать, что слуга просто побоялся спорить или хотел подольститься, но Акифуса решил: юноша понял, в чем дело. Слова господина отсылали к истории Даня, наследника княжества Янь, который томился в плену у государя Цинь Ши-хуана (III в. до н. э.): тот обещал отпустить княжича домой, если однажды у воронов побелеют перья, и в ответ на молитвы пленника белый ворон в самом деле прилетел, так что государю пришлось сдержать слово¹⁷. Даже если слуга не знал этой истории, он догадался, что речь идет о благом знамении, и господин рекомендовал юношу отрешенному государю Сиракаве как сообразительного малого (рассказ 1–41). В «Сборнике» в рассказе 4–3 Морисигэ появляется еще раз, уже взрослым: по поручению Сиракавы он расследует одно из скандальных столичных происшествий и показывает себя весьма проницательным сыщиком.

По-настоящему отзывчивые люди иногда ведут себя неожиданно, нарушают обычаи. Примером тому служит поступок также незнатного человека. Так, Фудзивара-но Норимити 藤原教通 (996–1075) однажды ехал по делам, когда его заметила на улице некая дама, подозвала человека из его свиты и велела передать устное послание в виде песни *танка* (ожидая, что свитский, как принято, запомнит песню и повторит ее господину).

Свитский [...] приблизился к господину и сказал:

– Передаю от госпожи...

Слыша его голос, [Норимити] оглянулся, но поспешил во дворец. Господину некогда, некстати сейчас, – решил свитский и продолжил:

– А что передать, я забыл.

Люди той поры говорили, что свитский повел себя удивительно: как человек, у кого есть сердце [...].

В самом деле, читать песню тому, кто спешит, не следует (рассказ 1–42).

Еще более необычен поступок героини рассказа 1–43. Кавалер по имени Митикиё «знал наизусть всё про Гэндзи и Сагоромо, слагал песни, любил песенные цепочки (*рэнга*) [...] предался любовной страсти (*ирокономи*), и не было ни одной знатной дамы, о ком бы он не разузнал». Одной даме надоели его навязчивые любовные послания, и она пригласила его к себе, хотя и предупредила: мой муж сейчас дома, он нездоров, поэтому времени у меня мало.

¹⁷ Эта история известна по повести «Яньский наследник Дань» и другим китайским источникам; ее японский пересказ дается, например, в «Повести о доме Тайра» («*Хэйкэ-моногатари*», свиток 5, глава 6).

Дальше подробно говорится, как лунной ночью Митикиё пробирается через сад, слышит негромкие звуки буддийского обряда, что раздаются из дома, предвкушает трогательное свидание вроде тех, какие описаны в повестях. Но вот дама пригласила его войти, сказала, что не хотела бы прослыть безжалостной, и с этими словами «сняла шаровары, придвинулась ближе, с видом, будто так и надо, кивнула ему: вот! – раскрылась, ничего не тая». Митикиё в ужасе бежал – на что дама и рассчитывала. Здесь перед нами пример двойной «отзывчивости». Внешне дело выглядит так, будто женщина откликнулась на любовные чувства мужчины. На самом же деле она понимает, что он не влюблен, а занят игрою в книжного изящного кавалера, – и разрушает эту игру. Рассказ примечателен еще и тем, что в нем широко известная цитата встроена в действие, но дана не в речи одного персонажа, обращенной к другому, а звучит словно бы фоном, не предполагает никакого ответа. Когда кавалер прислушивается к голосу монаха (который, видимо, совершает обряд ради исцеления мужа героини), то слышит слова: «Так как наши мысли пусты, ни плохое, ни хорошее не владыки над нами»¹⁸. «Пустота», относительность таких понятий, как несчастье и счастье, успех и неудача, подтверждается дальнейшим развитием действия: получается, что на слова из сутры «отозвались» и дама, и кавалер.

В этом рассказе упомянут другой случай из жизни того же Митикиё, известный по «Рассказам, собранным в Удзи» («Удзи сю:и-моногатари», 190): однажды этот кавалер ехал в возке по столице любоваться цветами, завидел знакомого, стал махать ему веером и некстати привлек внимание свиты, сопровождавшей в тот час повозку самого канцлера. «Свитский [...] поторопил коня, приблизился к возку Митикиё, ухватился за занавеску – да и оторвал ее. Митикиё вывалился головой вперед, возок его покатился дальше, а он потерял шапку. Вот так люди с изысканным вкусом попадают в нелепые передраги» (1–43). Здесь наличие «вкуса» 数寄, *суки*, еще не означает, что человек способен вести себя сообразно обстоятельствам. Другое нелепое уличное происшествие описано в рассказе 1–44: ученый муж ехал в чужих носилках, таких тесных, что пришлось снять шапку; по пути ему встретился высокопоставленный сановник, ученый вылез из носилок, чтобы его приветствовать, и только тут вспомнил, что ехал с непокрытой головой. Он решил, что надевать шапку некогда, да и незачем, – и принялся кланяться, просто пристроив ее на узел волос и придерживая рукой.

Как принято в собраниях *сэцува*, смешные истории в «Сборнике» чередуются с печальными. Здесь их объединяет тема дороги и дорожных невзгод. Тяжелобольной поэт выслушивает наставление монаха о «темной дороге» между смертью и новым рождением. Как выглядит эта дорога? – спрашивает поэт. – Неуютной и страшной, – отвечает монах и приводит соответствующие строки из буддийского канона: «Там, на пустынной равнине, ты будешь совсем один, никто из близких не сможет проводить тебя». Поэт отзывается: «На той равнине буря гнет ветви кленов, ветер клонит метелки мисканта, а под ними стрекочут

¹⁸ 我心自空 罪福無主. Строка из «Сутры о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая мудрость» 觀普賢菩薩行法經, «Кан Фуээн-босацу гё:хо:-кё:», служащей послесловием к «Лотосовой сутре». Цитируемое место – ТСД 9, № 277, 392с, перевод А.Н. Игнатовича [9, с. 311].

сверчки-колокольчики и сосновые сверчки¹⁹. А если есть они, то о чем же скорбеть?». И умирает, не дописав последний знак в прощальном стихотворении (рассказ 1–45).

Наместник, прибывший из столицы в провинцию Симоцукэ, принимает просителя, отказывает в его просьбе, тот собирается уйти, но наместник велит ему задержаться – лишь затем, чтобы завести беседу о достопримечательностях края Симоцукэ (рассказ 1–46). Этот разговор был неуместен, но бывают и еще более неуместные речи. Для поэтов особенно важно следить, чтобы слова соответствовали случаю, ведь неуместные стихи могут прозвучать и как проклятие (рассказ 1–47), а просто необычная строка может навсегда пристать к сочинителю как прозвище (рассказ 1–48). Именно из-за неуместности некоторые речи звучат не просто глупо, но и неучтиво, вызывая: например, когда в гостях ученого мужа донимают вопросами из той области, которую он изучает (рассказ 1–49), или когда воин, опять-таки в чужом доме, пытается командовать тамошними охранниками (рассказ 1–50). Вообще, когда человек исполняет то, что ему положено по службе, делать ему замечания нехорошо. Однажды так попал впросак даже столь «чуткий» человек, как Фудзивара-но Наримити (ср. выше в рассказе 1–19).

[Минамото-но] Мороёри²⁰ много лет не мог преуспеть по службе и жил затворником у себя дома. И вот, после того как его назначили средним советником, он впервые должен был стать распорядителем на обряде почитания Учителя²¹. В ходе действия он вел себя так, будто ни в чем не уверен, о каждом шаге спрашивал у других.

Тогда господин Наримити, сидевший среди советников, сказал ему:

– Много лет жил затворником, вот и позабыл служебные дела? Держись, как новичок, что вполне закономерно.

Господин Мороёри не ответил ему, только оглянулся и пробормотал:

– «Вошел в Великий храм, расспрашивает о каждой мелочи...»²²

(Как сказано в «Беседах и суждениях»).

Наримити закрыл рот. А на следующий день рассказывал кому-то:

– Я, не подумавши, сказал глупость, теперь запоздало сожалею, тысячу, тысячу раз...

Вот в чем тут дело. Конфуций, войдя в Великий храм, когда следовал за обрядом, обо всем расспрашивал тамошних старших служителей. Видя это, люди стали его порицать: дескать, Конфуций не знает правил обряда (禘, *рэй*, кит. *ли*). А он ответил: то, о чем вы говорите, и есть правила (рассказ 1–51).

Похожие случаи бывали и с поэтами: критикуя чужие песни, люди выставляли себя на посмешище (рассказ 1–52). Сами песни, конечно, тоже бывают неуместны. Так, одному из поэтов XI века, старику, пережившему всех своих друзей, некий безвестный сочинитель

¹⁹ 松虫, *мацумуси*, *Xenogryllus marmoratus*, и 鈴虫, *судзумуси*, *Homoeogryllus japonicus*.

²⁰ 源師頼 (1068–1139), прославился как поэт; должность среднего советника 中納言, *тю:нагон*, получил в 1130 г., уже в зрелом возрасте.

²¹ Обряд почитания Конфуция, 稷奠, *сэкитэн*, проводили в Высшем училище, *Дайгаку*, с участием наставников, школяров и выпускников, в том числе высокопоставленных чиновников.

²² 入大廟毎事問云々, цитата из «Бесед и суждений» Конфуция (III–15).

прислал песню: «Только ты да я остались, увы!». Никакого отклика кроме раздражения песня не вызвала (рассказ 1–53). Пример некстати сложенной песни есть даже в «Повести из Исэ» (эпизод 99). Кавалер, едва видя незнакомую даму сквозь занавеску, слагает: «“Не вижу” тебя – не скажу, и “вижу” сказать не могу...» (перевод Н.И. Конрада). Дама отвечает: «Знаешь, кто я, иль нет, – зачем же тут бесплодно так различать?..». Как сообщает составитель «Сборника», эту ответную песню обсуждал Минамото-но Тосиёри (源俊頼, 1055–1129), знаток и ценитель старинной словесности. По суждению Тосиёри, песня была бы уместна, если бы у дамы спросили, кто она, – но как раз этого кавалер и не спрашивал (рассказ 1–54).

Возвращаясь к дорожным происшествиям, рассказчик описывает, как однажды супруга государя Сутоку отправилась на реку Удзи, и в пути повозка, где ехали дамы ее свиты, опрокинулась. Все пришли в смятение, только одна дама держалась невозмутимо, – и ее поведение выглядело неприятно, ибо не соответствовало обстановке (рассказ 1–55). Та же государыня много лет спустя, когда Сутоку уже удалился в ссылку после мятежа 1156 г., однажды любовалась осенним садом и вспомнила: вот так же стрекотали сверчки в саду дворца, где мы с супругом жили в юности...

Люди все притихли и опечалились. Но одна дама [...], стоя подле государыни, спросила:

– И как же они стрекотали?

– Да вот так: и-и!

И настроение переменилось: все, кто был там, рассмеялись.

Эта дама была из тех, кто говорит, чего не надо бы говорить (рассказ 1–56).

Заключительный рассказ в этом разделе «Сборника», 1–57, снова посвящен поэзии и поэтической критике. Когда Фудзивара-но Томофуса 藤原知房 (1046–1112) сложил песню *вака*, и ее похвалил Фудзивара-но Корэйэ 藤原伊家 (1041–1084), Томофуса не обрадовался, а наоборот, возмутился: «В сочинении китайских стихов он мне не соперник. Что до родных песен, то в этом я ему весьма уступаю. И вот он как высказался. Очень странно! Отныне не буду слагать родных песен!». Повествователь замечает: «Чуткие слова, смотря по обстоятельствам, могут звучать неуместно, высокомерно» (о высокомерии, «чванстве», он будет говорить ниже, во втором разделе книги; см. [10]). Но случается и по-другому: даже слова, звучащие высокомерно, воспринимаются как добрые. Молодой поэт Фудзивара-но Норианага 藤原範永 (XI в.) однажды на поэтическом собрании сложил песню:

Суму хито-мо

Наки ямадзато-но

Аки-но ё ва

Цуки-но хикару-мо

Сабисикарикэри

Никто не живёт

В горной деревне,

И осенней ночью

Даже лунный свет

Здесь печален.

Листок бумаги, где была записана эта песня, забрал средний советник [Фудзивара-но] Садаэри и отнес господину Кинто²³, который в ту пору уже ушел в монахи. [...] Тот был глубоко тронут песней Норинаги и вместо введения к ней написал на том же листке собственной рукою: «Кто такой этот Норинага? Он понимает суть!». Норинага растрогался так, что не мог сдержаться. Выпросил себе этот листок, поместил в парчовую обложку и хранил, как сокровище (рассказ 1–57).

Итак, раздел о «доброте» в «Сборнике» объединяет сразу несколько взаимосвязанных тем: милосердие ко всем живым существам; «чуткость» как умение соразмерно отозваться на чужие мысли и чувства; «чуткость» как основа для милосердия; «чуткость» как основа для «проницательности»; «проницательность» как умение вести себя сообразно обстоятельствам; неуместная критика как неумение найти выгодные стороны в чужих словах и поступках (вопреки завету древних милосердных государей: никого не надо отвергать, ибо каждый на что-нибудь да годен). «Сборник» похож на другие собрания *сэцува* и в том, что связь между рассказами и заявленной темой раздела часто неочевидна, и в том, что один рассказ перекликается с другими, связывается с ними по ассоциации (ср. [7, с. 104–129]) – например, как здесь, их объединяют мотивы «дорожных встреч» или «голосов насекомых». Но в «Сборнике» такой ассоциативной связью составитель не ограничивается. Как мне представляется, подбор рассказов в разделе 1 служит ответу на вопрос, как можно научиться быть «добрым» и воспринимать «доброту» других людей, а кроме того, как относиться к недобрым поступкам ближнего и как по возможности их избегать. Все дело сводится к «чуткости», а ее возможно развить: прежде всего, научиться распознавать в чужих речах намеки, скрытые цитаты, неявные суждения и т.п. И в этом смысле рассказы *сэцува* как раз и полезны как поучительные примеры.

Библиографический список

1. Дзиккинсё: 十訓抄 : [Сборник наставлений в десяти разделах] / под ред. Асами Кадзухико 浅見和彦 // Синхэн нихон котэн бунгаку дзэнсю: 新編日本古典文学全集 : [Полное собрание памятников японской классической литературы. Новая серия]. Т. 51. Токио: Сёгаккан 小学館, 1997.
2. Дзиккинсё: 十訓抄 : [Сборник наставлений в десяти разделах] URL: <http://yatanavi.org/text/jikkinsho/index.html> (дата обращения: 26.05.2017).
3. Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё») и вопрос о светской мысли в эпоху Камакура // История и культура традиционной Японии 8. СПб.: Гиперион, 2015. С. 111–122.
4. Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах»: к понятию «досады», *урами* // Японские исследования. 2016. №2. С. 57–70. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/js/js_2016_2_57-70.pdf (дата обращения: 26.05.2017).

²³ Фудзивара-но Кинто, отец Садаэри, знаменитый поэт; см. выше рассказ 1–31.

5. «Собрание песка и камней» («Сясэкисю», конец XIII в.). Перевод со старояпонского Н.Н. Трубниковой // *Трубникова Н.Н.* «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. Том 2. Исследование. Указатели. Приложение. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
6. *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход и напрямик. Стратегии смысла в Китае и Греции. М., 2001.
7. *Свиридов Г.Г.* Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). М.: Наука, 1981.
8. Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. СПб.: Азбука-классика, 2005.
9. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Издание подготовил А.Н. Игнатович. М., 1998.
10. *Трубникова Н.Н.* «Не презирать людские дела»: конфуцианство в Японии XIII в. и вопрос о «маленьком человеке» // Историко-философский ежегодник 2016. М.: ИФ РАН, 2016. С. 69–92.

Поступила в редакцию 26.05.2017

Автор:

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии»; старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, профессор Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: trubnikovann@mail.ru

Jikkinshō: to the Concept of megumi [kindness]

N.N. Trubnikova

The Jikkinshō Setsuwa collection [Collected Admonitions in Ten Sections, 1252] contains stories and discourses interesting to researchers from the point of view of history of some concepts, which play a significant role in Japanese culture as a whole. Being based on this source, the article presents a range of meanings of the word “megumi” [kindness], its correlation to the concepts of “empathy” (*yū / yasashi*) and “forethought” (*yōi*). It also shows a series of examples for “education of kindness” – what we need to learn in order to respond to the needs of our counterpart and act on her/his behalf.

Keywords: Japanese philosophy setsuwa tales, Jikkinshō, Buddhism, Confucianism, waka poetry.

Received 26.05.2017

Author:

Trubnikova Nadezhda N., Doctor of Sciences (Philosophy), Deputy Editor-in-Chief, «Voprosy Filosofii» Journal; Senior Researcher, School of Actual Studies in Humanities RANEPА, Professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.
E-mail: trubnikovann@mail.ru